

ЖИЛИНА Наталья Павловна

**КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ**

Специальность 10.01.01. – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

МОСКВА
2010

Работа выполнена на кафедре русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
ТАРАСОВ БОРИС НИКОЛАЕВИЧ
Литературный институт им. А.М. Горького

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
ЕСАУЛОВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ
Российский государственный
гуманитарный университет

доктор филологических наук, профессор
МОТОРИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого

доктор филологических наук, профессор
ФЕДОСЕЕВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА
Рязанский государственный университет
им. С.А. Есенина

Ведущая организация: Петрозаводский государственный
университет

Защита состоится 02 июня 2010 г. на заседании диссертационного совета Д 212.109.01 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Литературный институт имени А.М. Горького» по адресу: г. Москва, Тверской бульвар, д. 25.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
литературного института имени А.М. Горького по адресу: г. Москва

Автореферат разослан 8 апреля 2010 го.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Стояновский М.Ю.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В последние годы в отечественном литературоведении утверждается и набирает силу новое научное направление, в основе которого лежит аксиологический подход к художественному произведению. Нельзя не вспомнить, что такой подход еще со времен В.Г. Белинского является традиционным. В свое время М.М. Бахтин, говоря об «основной задаче» исследователя, формулировал ее так: «...прежде всего определить художественное задание и его действительный контекст, то есть тот ценностный мир, где оно ставится и осуществляется». Ученый при этом добавлял, что «художественный стиль работает не словами, а моментами мира, ценностями мира и жизни... и этот стиль определяет собою и отношение к материалу, слову, природе которого, конечно, нужно знать, чтобы понять это отношение»¹. В современном общественном сознании все больше утверждается мысль о том, что любая национальная культура в своих истоках религиозна и ее характер и своеобразие обусловлены в первую очередь влиянием той религии, которая стала основой мировоззрения, системы ценностей, нравственности и всего уклада жизни народа. Для русской истории и культуры такую первооснову составила восточная ветвь христианства, или «греческое» вероисповедание (Slavia Orthodoxa), то есть православие. В статье 1822 года «Заметки по русской истории XVIII века» А.С. Пушкин просто и точно выразил эту мысль: «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. <...> Мы обязаны монахам нашей истории, следственно, и просвещением». Между тем современная история русской литературы в значительной степени базируется на наследии революционных демократов с их материалистической идеологией и аксиологией, а такой подход, естественно, не предполагает обращения к христианской основе отечественной культуры, то есть не дает возможности адекватного научного прочтения классического наследия. Можно с полным основанием утверждать, что произведения русской литературы классического периода нуждаются в концептуально новом прочтении в ракурсе доминантного для отечественной культуры типа христианской духовности – этим фактором определяется актуальность предлагаемого исследования.

Объектом исследования является художественное творчество литераторов первой трети XIX века, реализованное в жанрах романтической поэмы, а также повести и романа. Учитывая, что главная роль в литературном процессе анализируемой эпохи принадлежит

¹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 169.

творчеству А.С. Пушкина, именно его произведения заняли в данной работе центральное место, став своеобразной «точкой отсчета» при анализе художественных текстов других, менее значительных писателей. В то же время при отборе материала автор руководствовался суждением видного отечественного исследователя о том, что «культура – не собрание шедевров, а живой организм, в единой системе которого живут и противоборствуют разные по самостоятельному значению и ценности силы. <...> Отрывая шедевры от их реального исторического контекста, мы убиваем их. Забывая литературный “фон” начала XIX в., мы убиваем Пушкина»². Именно этим фактором обусловлено обращение в данной работе к произведениям тех писателей изучаемой эпохи, чье творчество не оставило глубокого следа в истории литературы, но во многом определило ее своеобразие. В то же время за пределами настоящей работы осталось творчество М.Ю. Лермонтова, поскольку рассмотрение в обозначенном аспекте произведений этого крупнейшего художника потребовало бы отдельного специального исследования.

Предметом исследования является проблема личности, которая рассматривается на материале романтической поэмы, повести и романа первой трети XIX века в свете христианской аксиологии.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении художественные произведения литераторов первой трети XIX века рассматриваются как составные элементы единой аксиологической картины, основой которой является христианское представление о человеческой личности. Впервые также подвергнуты анализу в обозначенном аспекте тексты многих так называемых «второстепенных» и «третьестепенных» писателей этой эпохи, творивших в жанре романтической поэмы, а также повести и романа (П. Иноземцова, Н. Кобылина, П. Машкова, Н. Муравьева, П. Родивановского, Г. Розена, П. Рябинина, А. Подолинского, А. Шишкова, Е. Ган, М. Жуковой, Н. Павлова, А. Погорельского, Н. Полевого, О. Сомова, Н. Фомина). При анализе в аксиологическом аспекте произведений других, более известных авторов (Е. Баратынского, Н. Бестужева, А. Бестужева-Марлинского, А. Вельмана, Ф. Глинка, М. Загоскина, И. Козлова, В. Кюхельбекера, В. Одоевского, К. Рылеева) были рассмотрены те элементы художественной системы, которым до сих пор не уделялось достаточного внимания. Изучение религиозного контекста дало возможность прояснить вопрос о наличии в мировоззрении этих писателей просветительских идей, а также разрешить проблему сочетания романтического и христианского

² Лотман Ю.М. Поэзия 1790–1810 годов // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб: Искусство–СПБ, 1996. – С. 325.

идеалов в их художественном мире. При исследовании текстов романтических поэм, поэтика которых, по общему мнению, испытала на себе влияние Байрона, было выявлено существенное и принципиальное противостояние их авторов, включая Пушкина, идейным установкам английского поэта, главной из которых является богоборчество, в то время как художественный мир русской романтической поэмы, как показано в работе, строится на противоположных основаниях. Анализ ценностных ориентаций персонажей в произведениях указанных писателей привел к пониманию важнейших и до сих пор не раскрытых основ авторской позиции, воплощенной в художественной ткани произведений и базирующейся на христианском мировосприятии. Обращение к таким конкретным элементам поэтики, как сюжет, конфликт, мотивы, образы, реминисценции, показало, что религиозное начало имеет конкретные формы и способы проявления в художественных текстах. Детальный и подробный анализ ряда произведений позволил определить важнейшие черты идеальной личности и сделать вывод о ее непосредственной соотнесенности с христианским идеалом. Было установлено, что такие важнейшие аксиологические понятия, как свобода, счастье, дом, любовь, в художественном мире всех исследуемых произведений теснейшим образом связаны с христианским мировосприятием.

Целью работы является исследование концепции личности, воплощенной в русском литературном сознании первой трети XIX века, в свете христианской аксиологии. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Исследовать основные черты концепции личности, воплощенной в русской романтической поэме, путем выявления аксиологических координат литературных героев.
2. Рассмотреть характер взаимоотношений личности и мира в прозаических произведениях различных писателей, установив иерархию ценностей персонажей и автора.
3. Определить основные черты идеальной личности, запечатленной в творчестве русских писателей анализируемой эпохи, в ее соотношении с христианским идеалом.
4. Установить конкретные формы и способы проявления религиозного начала в поэтике произведений (сюжет, конфликт, мотивы, образы, реминисценции).
5. Провести анализ ценностных ориентаций персонажей, который привел бы к пониманию важнейших основ авторской позиции, воплощенной в конкретных элементах поэтики.

6. При изучении аксиологического пространства произведений прояснить вопрос о сочетании в мировоззрении писателей просветительских и христианских идей.
7. Установить, каким образом важнейшие аксиологические понятия (свобода, счастье, дом, любовь) в художественном мире произведений обретают христианскую наполненность.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепция личности в русском литературном сознании первой трети XIX века в основных своих чертах определяется традиционными ценностями, связанными с содержанием той религии, которая лежит в основании всей культуры и обуславливает доминанту художественного мышления, – с христианством.
2. В русской романтической поэме, испытавшей значительное влияние Байрона, отчетливо проявляется существенное и принципиальное противостояние всей художественной системе английского поэта, творческую и жизненную позицию которого определяет богоборчество, в то время как русские поэты воспринимают мир через христианские ценности.
3. В художественной системе изученных произведений особое место занимает проблема свободы: осознающаяся в романтическом мировосприятии как абсолютная ценность, она показана русскими писателями как свобода от незыблемого нравственного закона, свобода вседозволенности, когда предельно гипертрофированная личность, при отсутствии Бога ощутившая себя центром мироздания, сама для себя воплощает высший суд.
4. Проблема греха и нравственного закона является семантическим центром большинства произведений, в сюжетной организации которых в образной форме воплощается идея реального существования в мире светлых и темных сил, находящихся в постоянной борьбе, полем которой является душа человека.
5. В художественном мире произведений все действующие лица оказываются рассмотренными через этическую призму, а основой конфликта является полярность ценностных парадигм горнего и дольного миров, выражающих противоположность двух аксиологических систем.
6. В русском литературном сознании, хотя и испытавшем на себе значительное влияние просветительской антропологии, образ идеальной личности неразрывно связан с христианскими аксиологическими установками, заключающими принципы милосердия, любви и сострадания.

7. Независимо от метода и жанра, к которому принадлежит определенное произведение, личность в художественном мире самых различных писателей всегда находится в системе незыблемых нравственных ценностей, которые являются для автора неизменным и точным эталоном и имеют в своей корневой основе христианскую аксиологию.

Методология определяется целями и задачами диссертационного исследования. В работе используются историко-литературный, структурно-семантический, сравнительно-типологический и аксиологический подходы к анализу литературных явлений. Теоретической основой послужили исследования отечественных ученых: М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, В.В. Зеньковского, И.А. Ильина, В.Н. Лосского, Б.Н. Тарасова, В.Н. Захарова, И.А. Есаулова, В.А. Котельникова, В.Е. Хализева, В.С. Непомнящего и др.

Практическая значимость. Материалы и результаты исследования могут быть использованы (и используются автором) в преподавании общих и специальных курсов по истории литературы, в руководстве спецсеминарами, курсовыми и дипломными работами, в организации спецкурсов по творчеству того или иного из исследуемых писателей. Принципы и подходы, найденные в работе, могут быть применены в дальнейшем при изучении христианских традиций в русской литературе.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в монографиях «Концепция личности в русской литературе первой трети XIX века в свете христианской аксиологии» (15,0 п.л.), «Творчество А.С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты» (19,4 п.л.) и «Творчество А.С. Пушкина: христианский аспект прочтения» (8,9 п.л. – в соавт. с Л.Г. Дорофеевой, О.Н. Павляк), в ряде других публикаций, а также в докладах, прочитанных на международных и всероссийских конференциях: «Александр Пушкин и славянство» (Ольштын, Польша, 1997), «Язык, слово, действительность» (Минск, 2000), «Имена и названия в пограничных культурах» (Белосток, Польша, 2000), «Кирилл и Мефодий: Духовное наследие» (Калининград, 2003; 2004; 2005), «Русская словесность и православие» (Москва, 2004), «Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре» (Калининград, 2006), «Феномен русской духовности: словесность, история, культура» (Калининград, 2006), «Духовный потенциал русской классической литературы» (Москва, 2006), «Масловские чтения» (Мурманск, 2007), «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании» (Москва, 2007; 2008), «Русская, белорусская и мировая литература: история, современность,

взаимосвязи» (Полоцк, Белоруссия, 2007), «Филологическая наука: история и современность, школы и методы, проблемы и перспективы» (Полоцк, Белоруссия, 2008), «Феномен заглавия» (Москва, 2008), «Ценности и оценки в современном научном познании» (Калининград, 2008), «Духовно-нравственное воспитание на материале русской словесности» (Калининград, 2008), «Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр» (Петрозаводск, 2005; 2008), «Пушкинские чтения – 2008» (Санкт-Петербург, 2008), «Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора» (Волгоград, 2008), «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения») (В. Новгород, 2007; 2008; 2009), «Модели современной науки: единство и многообразие» (Калининград, 2009), «Икона в русской словесности и культуре» (Москва, 2010).

Структура диссертации обусловлена исследовательскими целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав (каждая из которых включает в себя несколько параграфов), заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Введение состоит из двух частей: в первой содержится обоснование темы и проблематики диссертации, излагаются ее цели, задачи и принципы, определяется актуальность и научная новизна исследования; во второй излагаются вкратце основы христианской системы ценностей, выражающей сущность всей религии.

Глава 1. Концепция личности в русской романтической поэме.

§ 1. Плен и освобождение героя как этапы его духовного развития.

Становление и развитие русской романтической поэмы первой трети XIX века определялось теми кардинальными изменениями, которые происходили во всей отечественной литературе в целом. Интерес к духовному миру человека, в полной мере проявившийся в лирике этого периода, проникает и в другие жанры, видоизменяя и трансформируя их изнутри – наиболее заметным образом это сказалось в жанре поэмы, на отечественной почве испытывавшей огромное влияние Байрона. Известно, что начало жанру русской романтической поэмы было положено двумя произведениями, появившимися в 1822 году: это были «Шильонский узник» Байрона в переводе Жуковского и «Кавказский пленник» Пушкина. Именно в них, и прежде всего в последней, была особенным образом поставлена *проблема личности*, важнейшая для романтической художественной системы, где внутренний мир человека утверждается как центральный объект искусства.

Семантическим центром пушкинской поэмы является проблема личностной свободы, образ которой представлен как бы одновременно с двух различных позиций и является амбивалентным: в противоположность герою, в сознании которого понятие *свободы* является безусловно сакральным, в авторском восприятии подвергается сомнению сама истинность и непреложность этой сакральности. Центральная сюжетная оппозиция *свобода – плен* (где *свобода* выступает как адекват *жизни*, а *плен – смерти*) дополняется в поэме другой, частного характера: *родной предел – край далекий*. В противоположность «родному пределу», ставшему для героя пространством измены, лжи и суеты, «край далекий» изначально представляется ему идеальным воплощением абсолютной свободы как в ее внешних, так и во внутренних проявлениях. Рабство, настигающее его здесь, парадоксальным образом открывает перед ним неожиданные возможности для обретения истинной свободы. Таким образом, основная *суть конфликта* в пушкинской поэме состоит в *противопоставлении двух аксиологических систем*, а ее центральная концепция может быть воспринята и прочитана не только как антирусссоистская, но и в целом как антипросветительская.

Большое влияние первой романтической поэмы Пушкина на современный поэту литературный процесс сказалось в появлении ряда произведений различных авторов с прямыми заимствованиями событийного плана. Однако в поэмах других авторов обнаруживаются довольно значительные сюжетные расхождения с пушкинским произведением, которые отражаются и на идейном уровне. Так, в поэме *А. Шишкова «Лонской»* (1828) удалены важнейшие событийные элементы (встреча пленника с «девой гор», ее чувства к нему и помощь в освобождении), и главное внимание автора сосредоточено на внутреннем мире героя. Уже в экспозиции говорится о том, что его меланхолия исчезает на Кавказе без следа, таким образом, главное качество романтического героя – отчуждение от мира – преодолевается в Лонском, по-настоящему не раскрывшись. Важным объектом авторского внимания является «чужая» жизнь: характер, обычаи и нравы другого народа воспринимаются и рисуются в поэме с позиции того идеала, каким является христианство. В поэмах *Н. Муравьева «Киргизский пленник»* (1828) и *П. Родивановского «Пленник»* (1832) полностью отсутствует мотив добровольного изгнания: главные герои попадают в плен во время боя, являясь участниками благородной войны, которую ведет на Востоке «орел двуглавый» для защиты христианских идей. Художественный конфликт в этих поэмах носит только внешний характер, поэтому разрешение его оказывается очень простым. В противоположность пушкинскому пленнику, сердце которого опустошено страстями, измучено

разочарованием в тех ценностях, которые составляли для него основу жизни, страдания героев Н. Муравьева и П. Родивановского вызваны разлукой с милым краем, невозможностью объединить родину и любимую девушку. В их мировосприятии свобода остается высшей ценностью, но это свобода в рамках установленных свыше нравственных законов. Именно поэтому важнейшим событием, заключающим ту и другую поэму, является венчание героев в православном храме, а важнейшей художественной деталью становится алтарь. В центре внимания авторов обеих последних поэм человек, душа которого обладает цельностью и духовной монолитностью, а система ценностей выявляет ясный, незамутненный взгляд на мир.

§ 2. Разбойничий мир: личность в системе ценностей.

Ко времени появления пушкинской поэмы *«Братья разбойники»* в европейской фольклорной и литературной традиции разбойник обычно изображался покровителем и защитником слабых и обездоленных, был воплощением благородства, истинной смелости и доброты. В пушкинском описании разбойничьего сообщества акцент ставится на том, что стремление людей самых разных народностей и вероисповеданий к свободе без каких-либо внешних ограничений оборачивается другой стороной – этической вседозволенностью, полным отрицанием каких-либо моральных принципов. Авторская позиция, отчетливо проявляющаяся в изображении разбойничества, становится доказательством того, что Пушкина интересуют прежде всего не социальные основы этого явления, а нравственно-психологические. Глубинные внутренние причины ухода главных героев в разбойничью шайку вскрываются в аналитически беспощадной исповеди старшего брата – главной из них становится зависть к людям, награжденным лучшей долей, и желание хотя бы и ценою преступления изменить свою судьбу. Мотив зависти в европейской литературе традиционно возводится к известной библейской притче о Каине и Авеле, и именно через этот мотив в поэме Пушкина разбойничество как явление психологически соотносится со страшным грехом братоубийства, запечатленным в Библии. Весь художественный строй поэмы, все ее сюжетное развитие подводит к определенному итогу: разбойничество даже как противодействие человека социальному злу и несправедливости обрекает его на отступление от нравственного закона и в конечном итоге приводит к духовной гибели.

После публикации этой поэмы в русской литературе в большом количестве появились подобные сюжеты, в которых пушкинское влияние наблюдается не только на уровне деталей описания, но и в том образе разбойничьего сообщества, который остается неизменным в произведениях самых различных авторов. Это отчетливо видно, например,

в поэме П. Рябинина *«Разбойники»* (1830), где авторская характеристика «злодеев» отличается однозначностью и полной определенностью. Последователи поэта восстанавливают в сюжетах своих произведений любовную линию, устраненную Пушкиным, вводя для этого главную героиню – деву, попадающую в плен к разбойникам. Обычно в их поэмах появляется и герой, воплощающий в себе благородные черты – нередко он оказывается разбойничьим пленником, по разным причинам оставленным в живых. Испытывая тяжкие душевные муки оттого, что принужден находиться среди преступников, он использует любую возможность для скрытого сопротивления с ними. Именно такое развитие событий происходит в поэме П. Машкова *«Разбойник»* (1828). Жизненная драма ее главного героя Мстислава связана с социальными причинами: его соединение с любимой было невозможно в силу имущественного неравенства. Показательно, что герою, которому случай предоставил возможность поправить несправедным путем свое имущественное положение, эта мысль даже не приходит в голову. Границы добра и зла по-прежнему остаются в его сознании очень четкими: он использует свое положение для облегчения участи пленных, попавших к разбойникам. Сложный и довольно разветвленный сюжет отличает поэму А. Вельтмана *«Муромские леса»* (1831), главный герой которой становится спасителем не только своей невесты, ее сестры и отца, но и всего города Мурома, постоянной угрозой которому была шайка разбойников, обосновавшаяся в близлежащих лесах. В этой поэме преступное сообщество показывается как очень разноликое и психологически неоднородное; немалое внимание уделяется внутреннему миру разбойников, самой психологии преступников. Несмотря на сохраняющуюся в изображении авторскую объективность, все персонажи этой поэмы как бы разделены между собой невидимой чертой: с одной стороны остаются те, кто признает над собою нравственный закон, с другой – те, для кого неразличима граница между добром и злом, кто поставил себя выше нравственного закона и отверг понятие греха. Таким образом, в изображении разбойничьего мира в поэмах самых различных авторов сохраняется призма, установленная Пушкиным: нарушение нравственного закона показывается как страшный грех, оправдания которому не существует.

§ 3. Злодеяние и прощение в аксиологии главных героев.

Начало и источник зла, по христианским представлениям, воплощает в себе глава и князь царства тьмы, составленного из падших духов, сам падший херувим, бывший прежде прекрасным ангелом. Таким образом, человек, поддавшийся соблазну греха и преступивший нравственный закон, сформулированный в библейских заповедях, приобщается духовному пространству темных сил, становясь злодеем. Одним из

главных преступлений в сознании человечества с библейских времен является убийство (нарушение шестой заповеди), и именно оно становится центральным событием в сюжетной организации целого ряда поэм, где изображение этого страшного злодеяния находится в самой тесной взаимосвязи с проблемой прощения. Одним из произведений такого плана является поэма И.И. Козлова «Чернец» (1825), в которой объектом поэтического изображения становится человек, измученный трагической внутренней борьбой, чья чистая душа, изначально свободная от бунтарских наклонностей, не выдерживает тяжелых жизненных испытаний. Обида на мир, отнявший главную и единственную ценность на земле – его возлюбленную – сосредоточивается в сознании героя на фигуре злодея – человека, виновного во всех его несчастьях. Поэтому самой трудной для него оказывается проблема прощения врага, которому он полностью отказывает в главном для человека качестве – способности любить. Таким образом, герой берет на себя роль высшего судии, готового миловать и карать виновных. Финал поэмы звучит умиротворяюще, и связано это с тем, что здесь изменяется пространственная позиция повествователя и ракурс изображения становится иным, приобретая широту и размах и включая в свою картину других людей, возносящих молитву об усопшем чернце. Крестное знамение, заключающее поэму, возникает как символ спасения от ложных ценностей, подстерегающих каждого человека на его земном пути. Большое влияние, которое оказало произведение И.И. Козлова на современников, особенно хорошо заметно в художественной организации поэмы П. Иноземцова «Ссылный» (1833). Главной нитью внутреннего сюжета здесь является эволюция героя от детской восторженности к полному разочарованию в людях, причиной чего становится измена возлюбленной с его другом, которому он в свое время на войне спас жизнь. Этические принципы Ссылного входят в противоречие с убийством, совершенным им в отношении абсолютно безнравственных людей, а его глубокое раскаяние в самом поступке сочетается с внутренним сопротивлением при воспоминании об их коварстве и лжи. В поэме П. Иноземцова возникает ситуация, которая станет одной из главных в творчестве Лермонтова, а через несколько десятилетий окажется в центре внимания Достоевского. Несколько по-иному поставлена проблема злодеяния и прощения в поэме Пушкина «Полтава», где она связана с образом Мазепы: он предстает здесь не бунтарем, борющимся за свободу своей отчизны, а банальным изменником и предателем. Любовь к Марии наиболее ярко обнаруживает в Мазепе черты человека, не признающего никаких нравственных норм, способного переступить через любые моральные запреты. В финале гетман отвергнут общепризнанным целым не только как государственный преступник, он

предан забвению и проклят прежде всего как слуга антихриста. Его характеристики даны как мнения различных субъектов, но с одной и той же позиции – христианской нравственности.

§ 4. Любовь как высшая ценность в мировосприятии персонажей.

В христианской иерархии нравственных ценностей любовь является основополагающим понятием, поскольку именно ею, по евангельским представлениям, сотворен весь мир и все человечество. В душе каждого конкретного человека любовь проявляет себя самым естественным образом, так как придана душе человека при его сотворении. Однако, будучи изначально прекрасной, как и прочие благие свойства, любовь подверглась серьезному повреждению прародительским грехом и требует исцеления огромными нравственными усилиями. В общественном сознании проблема любви (поставленная прежде всего как проблема любовной страсти) находилась в центре внимания еще с античных времен, вызывая особый интерес философов и художников. В Новое время вопрос о сущности любви стал еще более острым, поскольку важнейшей особенностью мировоззрения этой эпохи явилась сакрализация любви, возведение ее в ранг высших ценностей. Европейские романтики вознесли любовь до уровня религиозного слияния двух душ, воспринимая как таинство мистического откровения. Особое место эта важная проблема заняла и в русском литературном сознании первой трети XIX века.

Проблема любви как высшей жизненной ценности появляется уже в первой романтической поэме Пушкина – *«Кавказском пленнике»*, где бегство главного героя в чужие края мотивируется не только жаждой свободы, но и стремлением забыть свою неразделенную любовь, новыми впечатлениями вычеркнуть ее из памяти. Несмотря на появление в его кавказской жизни прекрасной и благородной «девы гор», пленнику не удается освободиться от прежнего чувства. Такое же мировосприятие характеризует и главную героиню поэмы – черкешенку. В финале событий ее разочарованность еще ярче оттеняет оживление его души, что проявляется и событийно: возвращение пленника, которое таит в себе надежду на его внутреннее обновление, прямо противоположно добровольному уходу черкешенки из этого мира. Важнейшие черты черкешенки получают свое продолжение и развитие в образе одной из главных героинь поэмы *«Бахчисарайский фонтан»* – грузинки Заремы, для которой истинной «религией» становится любовная страсть. Такое мировосприятие наделено несомненными чертами язычества – системы, в которой главной целью жизни человека становится наслаждение, культ плоти. Трагедия Заремы обусловлена ее собственным, вполне осознанным выбором: душа героини полностью связана с земными ценностями, а высшее счастье в ее сознании воплощено в телесной, плотской, страстной

любви, потеряв которую она утрачивает смысл жизни. Психология любовной страсти становится главным объектом изображения и в поэмах *Е.А. Баратынского* «Эда» (1825) и «Цыганка» (1831), сходных между собой по характеру конфликта и центральной сюжетной ситуации. На примере героини первой поэмы отчетливо видно неразрывное единство душевного и телесного уровней в человеческой личности, о котором постоянно напоминает христианская антропология: «страсти гибельной полна», Эда переживает свое состояние как болезнь и уходит из жизни, не в силах вынести разлуку с любимым. Самоубийство понимается христианством как следствие тяжкого недуга души, погруженной в уныние, сосредоточенной на одной страсти, одержимой одной идеей – именно такую ситуацию показывает в своей поэме Баратынский. Хотя внешний план художественного конфликта (противопоставление естественного человека цивилизованному) обозначен здесь более явно, главным все же является его внутренний, аксиологический уровень. В центре внимания автора оказываются прежде всего те системы ценностей, в соответствии с которыми его герои строят свое поведение и делают свой жизненный выбор. Проблеме любви как всеобъемлющей страсти, полностью овладевающей человеком и нередко доводящей его до безумия, посвящена и последняя поэма Баратынского «Цыганка». При всей разности характеров между цыганкой Баратынского и пушкинской Заремой существует несомненное сходство: обеим свойственна неистовая страсть, решительность и внутренняя сила, а ради того, чтобы не потерять возлюбленного, и та, и другая готовы на самые крайние поступки. В обеих жертвенность и эгоцентризм оказываются столь тесно переплетены, что не поддаются разделению. Помраченное безумием состояние становится также уделом главной героини поэмы *И.И. Козлова* «Безумная» (1830) – девушки, оставленной когда-то ее возлюбленным. В Безумной Козлова отчетливо видны такие же проявления страстной любви, как и в героинях Пушкина и Баратынского. Воспринимая любовь как самую главную ценность в жизни, героиня смешивает два понятия: высокую евангельскую любовь, духовную и беспристрастную – и плотскую любовную страсть, которая в святоотеческой традиции всегда воспринималась как искажение подлинного чувства. В русской литературе путь от любовной страсти к истинной евангельской любви оказался возможен лишь для главной героини пушкинского романа в стихах – не случайно образ Татьяны Лариной, продолжая лучшие традиции героинь древнерусской словесности, стал основой идеального женского типа для всей последующей русской литературной классики.

§ 5. *Оппозиция свобода – страсти в картине внутреннего мира героя.*

В христианской системе ценностей понятие *свободы* является одним из центральных и включает в себе несколько значений. Прежде всего это одно из самых фундаментальных свойств человеческой природы – *свобода воли*, выражающаяся во внутреннем самоопределении личности перед лицом выбора между добром и злом. Второе значение этого понятия – *свобода духовная*, которая означает власть человека над своим эгоизмом, своими страстями, греховными чувствами, желаниями – над самим собой. Христианство идеал духовной свободы видит в Боге и в принципе отрицает возможность существования для человека какой-то абсолютной свободы.

Проблема свободы, осознающейся в романтическом мировосприятии как абсолютная ценность, была поставлена в каждой из пушкинских «южных поэм», но наиболее ярко она проявляет себя в поэме «*Цыганы*» (1824), где отсутствует мотив внешней несвободы, ситуация плена. Правомерно подчеркивая, что Алеко не может обрести счастье, узнать вкус подлинной свободы, поскольку не в силах побороть бушующие в нем страсти, исследователи не учитывали, что *страсти* как концептуальное понятие принадлежит совершенно определенной системе мировоззрения, а именно – христианству, так же как представление о «коварной и слепой» Судьбе – язычеству. Показывая духовный путь своего героя, Пушкин вскрывает общую психологическую закономерность: пытаясь во всем утвердить свою волю, отвергнув нравственный закон, человек тем самым отдает свою душу во власть темным стихиям и становится игрушкой страстей. Эта закономерность имеет самое непосредственное отношение и к пушкинским цыганам, которые еще не вышли из природного состояния, поэтому их страсти проявляются прежде всего на телесном уровне, имеют сугубо плотский характер. Само словосочетание «страсти роковые» (то есть «предопределенные судьбой» и одновременно «предопределяющие судьбу») показывает прямую зависимость *страстей* и *судеб*, предельно обнажая причинно-следственную связь между ними. Важно заметить, что финальные пушкинские стихи абсолютно точно выражают христианско-догматические представления о неразрывной взаимосвязи состояния души человека и его будущей участи. Хотя наличие *страстей* (вследствие первородного греха) в любой человеческой душе признается в христианской антропологии непреложным законом, их действие не является фатально предопределенным, поскольку личность, обладая свободой воли и следуя нравственному закону, в состоянии противодействовать им. В случае же отдаления от Бога и склонения ко

греху именно *страсти* становятся главным фактором, предопределяющим дальнейшую судьбу человека.

Разрушительное воздействие страстей на человеческую личность, стремящуюся к безграничной свободе, становится главным объектом внимания и в поэме *Е.А. Баратынского «Бал»* (1828). В центре событий здесь молодая женщина удивительной красоты, известная в великосветском обществе своим свободным отношением к любым моральным запретам. Детальный анализ художественной системы приводит к выводу о том, что жизненная позиция героини и ее авторская оценка не только не совпадают, но противоположны друг другу. В психологии Нины подчеркивается самоощущение предельно гордого человека, воспринимающего себя как исключительную личность, не подчиняющуюся не только общественным нормам, но и стремящуюся выйти из-под власти самой судьбы. Не сумев удержать любимого, Нина не в силах вынести и свое поражение, единственным выходом в такой ситуации ей представляется самоубийство – лучший способ самоутверждения, решительный вызов судьбе, зло и жестоко посмеявшейся над нею. Выбор, который делает героиня Баратынского, напрямую ведет к персонажам романов Достоевского – гордым людям, желающим в этом последнем жесте утвердить и возвысить «свою волю».

Страшное разрушение личности, происходящее под влиянием охватившей героя страсти и приводящее к преступлению, становится объектом изображения в поэмах *А.И. Подолинского «Нищий»* (1830) и *Н. Кобылина «Отшельник»* (1831). Убийство, совершенное героями под влиянием ревности, наглядно показывает, насколько их душа покорна страшному злему духу, полностью овладевшему ими. Необычное решение тема человеческих страстей получает в поэме *А.И. Подолинского «Смерть Пери»* (1837). В центре событий здесь не человеческое существо, а принадлежащая некоему волшебному пространству фея, в истории которой наглядно воплощаются христианские представления о внутренней, психологической сущности человека. Связанные с первородным грехом повреждения, произошедшие в изначально прекрасной человеческой природе, привели к тому, что добро и зло в ней столь тесно переплелись, что сделались неразделимы. Это отчетливо видно в тех изменениях, которые происходят с небесным существом после ревоплощения в человека.

Таким образом, основные положения христианской антропологии, убедительно и ярко воплощенные в русском романе 2-й половины XIX века, особенно в произведениях Ф.М. Достоевского, нашли свое художественное изображение уже в романтической поэме первой трети XIX века.

Глава 2. Личность и мир в аксиологическом пространстве русской прозы.

§ 1. Тема гордости и ее воплощение в художественной системе произведений.

Усложнившуюся психологию современного человека и изменившийся характер его взаимоотношений с окружающим миром в первой трети XIX века призваны были передать прозаические жанры, прежде всего роман и повесть. Становление русской прозы было неразрывно связано с утверждением национально-самобытного взгляда на изменившуюся действительность, и огромную роль в этом сыграла система нравственных принципов, имеющая в своей основе православные ценности. Именно поэтому идейным и сюжетным центром многих произведений становится проблема гордости. Согласно христианской антропологии, *гордость* есть явное проявление глубокого искажения человеческой природы, наступившего вследствие первородного греха, с ней связана двойственность человеческой натуры, совмещающей в себе как светлое, так и темное начало. Непосредственными проявлениями гордости являются прежде всего тщеславие, самолюбие и честолюбие, толкающие человека на поиск путей к возвышению над другими. Кроме «адамова наследства», человек носит на себе еще и «каинovu печать», которая проявляется в его поступках в виде *зависти* и *мести*. В христианском сознании гордость есть искушение сатаны, главный смертный грех, который является основой всех других грехов, поэтому целью всей земной жизни человека должно быть стремление к избавлению от нее.

В русской прозе первой трети XIX века, где огромное внимание уделяется раскрытию внутреннего мира человека, тема гордости занимает чрезвычайно важное место, реализуясь в самых различных вариантах. Так, в несколько неожиданном ракурсе эта тема воплощается в повести А.А. Бестужева-Марлинского *«Испытание»* (1830). Событийная канва повести основана на очень напряженной интриге, а в сюжетном плане главная тема реализуется многозначно: серьезному испытанию подвергаются представления главных героев об истинной дружбе, любви и чести. В заглавии повести отражается главная мысль автора: проявив лучшие человеческие качества, его герои смогли выдержать труднейшее испытание своей нравственной сущности. Формы проявления гордости, характерные в первую очередь для светского общества, исследуются и В.Ф. Одоевским в его повести *«Княжна Мими»* (1834), центральная героиня которой отличается полной неспособностью к любви и состраданию. Особенным образом преломляется тема гордости в повестях Н.Ф. Павлова *«Именины»*, *«Ятаган»*, *«Аукцион»*. Сюжетная ситуация

повести «Именины» (1835), основанная на социальном неравенстве влюбленных, получает здесь новое освещение, главное же ее отличие проявляется в том, что художественный конфликт имеет не социальную, а психологическую основу. Настоящая трагедия, произошедшая с главным героем повести – крепостным музыкантом, заключается в том, что талантливый, сильный и красивый человек, прошедший страшные испытания солдатчиной и войной, становится жертвой чужого самолюбия и эгоизма. Глубокое и тонкое проникновение во внутренний мир главных героев повести «Ятаган» (1835) позволяет автору выявить двойственность человеческой души, в которой свободно совмещаются и доброе, и жестокое начало. Ценности, исповедуемые действующими лицами, находятся сугубо в плоскости повседневных человеческих мерок, в них полностью отсутствует высшее измерение, согласно которому главная оценка всего происходящего должна производиться «в обратной перспективе», взглядом из Вечности. В художественной системе повести «Аукцион» (1834) важнейшим является мотив омертвления души, имеющий самое непосредственное отношение к главной героине. Заглавие повести, приобретающее метафорический характер, выводит на поверхность параллель *человек – вещь*, спроецированную на все общество. Таким образом, в небольшом происшествии, описанном Н.Ф. Павловым, как в капле воды отражается жизнь мира, в котором правит гордыня, ведущая к окаменению, а затем и полному омертвлению человеческой души. Неожиданное звучание приобретает тема гордости в романе А.С. Пушкина «Дубровский» (1833), который обычно рассматривался исследователями прежде всего в социальном плане. Детальный анализ художественной организации произведения показывает, что его главные действующие лица (Троекуров и Дубровский-старший) воплощают в себе один и тот же психологический тип, в основе которого лежит гипертрофированное самолюбие как проявление непомерной гордыни. Оппозиция *гордость – смирение* находит свое воплощение в сюжетной соотнесенности двух поколений, их мировосприятия и самосознания. Благодаря главной героине фамильная вражда неожиданно завершается: «кровавый подвиг» Владимира Дубровского остается не исполненным, а ветхозаветное стремление к мести сменяется в его душе новозаветным состоянием прощения.

§ 2. Оппозиция справедливость – милосердие в «разбойнических» сюжетах.

Обращаясь к изображению внутреннего мира человека, писатели исследуемой эпохи нередко акцентировали внимание на идее справедливости, заставляющей человека вступать на путь мщения. При этом противоборство между жадой мести и чувством милосердия

становилось основой глубокого разлада в человеческой душе, и особенно ярко это проявилось в образах разбойников. В русской повести рассматриваемого периода образ совестливого и милосердного разбойника можно увидеть в исторической повести А.А. Бестужева-Марлинского «*Роман и Ольга*» (1823), события которой происходят в конце XIV века. Один из персонажей Марлинского, атаман разбойников, невольно способствующий соединению влюбленных, обнаруживает в своем характере как низкие, так и благородные черты, но главное – он исповедует христианскую систему ценностей. В образе этого персонажа, одновременно совмещающего в своей душе качества злодея и благородного патриота, явно просматриваются черты евангельского раскаявшегося разбойника. В отличие от Марлинского, повести О.М. Сомова «*Гайдамак (Малороссийская быль)*» (1825) и «*Гайдамак. Главы из малороссийской повести*» (1830) имеют в своей основе фольклорный материал – предания и исторические песни. Отношение автора к его героям-разбойникам неоднозначно, поскольку эталоном для оценки их деятельности являются принципы христианской нравственности. Хотя благородство и бескорыстие героев не подвергаются сомнениям, писателю очень важно показать и другую оценку их деятельности, носителем которой становятся монах, шут и слепой бандурист, в чьей песне гайдамак сравнивается с коршуном, волколаком (оборотнем), называется колдуном и демоном. Весь художественный строй повестей О.М. Сомова свидетельствует о сложности и неоднозначности авторской позиции в отношении к главному герою и его сподвижникам. Сложная система оценок отличает «*Капитанскую дочку*» А.С. Пушкина, среди персонажей которой особое положение занимает мятежный и бунтующий Пугачев. В своих действиях с Гриневым и Машей Мироновой «*мужичий царь*» постоянно следует принципу «милость выше справедливости», возвращаясь тем самым к христианским ценностям – вопреки той идее социальной справедливости, которую он утверждает своим бунтом против официальной власти. Всем строем событий в романе утверждается важнейшая мысль: благородная идея защиты слабых и обездоленных в ходе ее практического воплощения может обернуться своей противоположностью. На примере пушкинского Пугачева хорошо видно, что даже субъективно благородный и преследующий высокую цель человек, вовлеченный в стихию разбоя, не может избежать страшных преступлений – так предвосхищается Пушкиным проблема «*крови по совести*», поставленная позднее в знаменитом романе Ф.М. Достоевского.

§ 3. Мотив соблазна и формы его проявления в сюжетной организации произведений.

Понятие *соблазна* в христианском сознании неразрывно связано с библейским повествованием о грехопадении первых людей, прельщенных змием. Свободное следование воле Божией должно было стать для Адама и Евы главным доказательством их любви и верности Отцу Небесному, но они не выдержали искушения и нарушили запрет. По учению святых отцов, только в постоянной борьбе с нравственными испытаниями формируется стойкое и прочное духовное начало, которое должно стать основой человеческой личности, защищающей ее от соблазнов. Особое значение это положение приобрело в новейшую эпоху, когда оказались подвергнутыми сомнению главные этические принципы и установки христианства. Мотив *соблазна*, увлечения чистой, неопытной души и склонения ее ко греху имеет свое соответствие в Евангелии, запечатленный в известных словах Христа: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему жернов на шею и потопили его в глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18: 6-7).

В русской литературе первой трети XIX века проблема соблазна и грехопадения оказалась тесно связанной в первую очередь с темой любви и брака. Одним из популярных сюжетов этого времени является история *обольщения* юной девушки. Так, сюжетной основой повести О.М. Сомова «*Русалка*» (1829) стала традиционная фольклорная история соблазненной и обманутой девушки, покинутой любовником, бросившейся в отчаянии в реку и ставшей русалкой. События повести показывают, что человек, решившийся на соблазн чистой и невинной души, вступает в прямую связь с нечистой силой, которая в конечном итоге способствует его наказанию. Это является наглядным свидетельством существования высшего суда, о котором забывают люди, занятые лишь поиском телесных наслаждений. В другом варианте мотив *соблазна* представлен в сюжетах, связанных с темой супружеской измены, также получивших широкое распространение в это время. Один из таких сюжетов был разработан в повести Е.А. Ган «*Идеал*» (1837), характер художественного конфликта в которой является традиционным для романтического произведения: он основан на противопоставлении возвышенной, исключительной личности косной и погруженной в обыденность среде. В повести с полной определенностью показывается, что желание найти идеал в каком-то конкретном человеке обычно приводит к кумиротворению, которое заканчивается жестоким разочарованием и душевными страданиями и муками. События повести убеждают, что свержение кумира происходит очень нелегко для молодой

неопытной души, но через это тяжелое испытание пролегает путь к обретению истинных ценностей. Безумие страсти, которая овладевает человеком, поддавшимся соблазну, становится объектом авторского внимания в повестях А.А. Марлинского «*Страшное гаданье*» (1831) и «*Фрегат "Надежда"*» (1833). Центральная проблема, поставленная в них, имеет аксиологическую основу: главные герои, вначале воспринимающие свою страсть как самую высокую ценность, ради которой можно пожертвовать абсолютно всем, в конечном итоге приходят к горькому осознанию своего эгоизма. Утверждение ценностей несравнимо более высоких, чем любовная страсть, происходит, как известно, и в романе А.С. Пушкина «*Евгений Онегин*» – это самый известный в русской литературе пример такого рода ситуации, которая, безусловно, оказала заметное влияние на большинство русских писателей. Продолжение этой темы можно увидеть и в повести А.С. Пушкина «*Египетские ночи*» (1835). Главные ценностные установки языческого мира через множество столетий в прежнем, сохраненном без изменений виде проявляются в мировосприятии пушкинских современников: находясь в мучительном поиске счастья, они не могут его представить иначе, как только в упоении телесными радостями, и не видят смысла в жизни, «когда наслаждения ее истощены». Как показывает поэт, душа современного человека, «отравленная унынием, пустыми желаниями», не в силах восстановить внутреннее равновесие, не может обрести настоящую гармонию, поскольку в стремлении к бесконечной, беспредельной свободе самоутверждения все больше и больше удаляется от истины.

§ 4. Богатство и власть в иерархии ценностей литературных героев.

Проблема богатства с древних времен была одной из главных в сознании человека. Воспринимаемое в языческом сознании как изобилие земных благ, богатство обычно связывалось с представлением о доле, судьбе, удаче, благосклонности богов, предков и других сил. В христианском сознании отношение к богатству с самого начала было неоднозначным. Если стяжание богатства делается целью и смыслом жизни человека, то он оказывается на пути, ведущем к гибели, но если человек воспринимает земные сокровища лишь как необходимое условие своего существования и помощи другим людям, то в этом случае богатство не может считаться предосудительным. Именно такое восприятие богатства было свойственно и имеющей христианские истоки русской литературе с самого начала ее возникновения. В сознании русских писателей первой трети XIX века проблема отношения к богатству становится одной из центральных, а постановка ее нередко связана с воплощением в сюжете фантастических элементов, прежде всего –

демонологических персонажей. Одно из самых ярких и значительных произведений такого типа – повесть *А.А. Погорельского «Лафертовская маковница»* (1825), в которой все центральные герои проходят своеобразное испытание идеей богатства и связанными с ним темными потусторонними силами, олицетворением которых являются старуха-маковница и ее кот. Главной в сюжете повести является оппозиция *богатство – нравственный закон*, а важнейшей становится проблема *счастья*, которое каждым из персонажей понимается по-своему. Сюжетная модель волшебной сказки, отчетливо различимая в художественной структуре повести, оказывает значительное влияние на образ автора и архитектуру конфликта и помогает понять те нравственные ориентиры, которые остаются неизменными в народном сознании. Ситуация, в которой колдовство открывает греховный путь к богатству, становится сюжетной основой в повести *В.Ф. Одоевского «Саламандра»* (1841). В художественном конфликте этой повести отчетливо различаются два уровня, соотнесенные с ее повествовательными частями. Главный герой второй части, финн Якко, волею судьбы попавший из бедного полудикого края в цивилизованную среду, показан как своеобразный «завоеватель мира»: в стремлении возвыситься над окружающими он готов презреть и отвергнуть основополагающие законы нравственности, в течение многих веков признаваемые человечеством. Идея взаимосвязи двух миров, земного и потустороннего, находит свое воплощение и в повести *А.С. Пушкина «Пиковая дама»*, главный герой которой оказывается перед неизбежным выбором: подчиниться судьбе или бросить ей вызов. Герою не чужд мистицизм, он верит в чудо как проявление сверхъестественных, потусторонних сил, но в его сознании это никак не связано с категориями добра и зла. Крах пушкинского героя обусловлен его непомерной гордыней, а Случай выступает, по точному слову самого поэта, как «мощное, мгновенное орудие Провидения». В то же время за «анекдотом» об одном конкретном человеке, «одержимом» своей страстью и потерявшем из-за этого разум, возникает образ всего человечества, погрязшего в безумии.

§ 5. Проблема греха и нравственного закона в сознании автора и персонажей.

Понятие греха является одним из важнейших в христианстве и неразрывно связано с такими основополагающими категориями, как нравственный закон и совесть. Само это понятие определяет как состояние неправоты в глазах Божиих, так и конкретное деяние, неправо по отношению к другому человеку и к Богу – таким образом, *грех* всегда подразумевает сознательное или невольное нарушение данного Богом нравственного закона. Обозначенная в заглавии проблема является

центральной во многих произведениях этого времени. Так, она составляет сюжетную основу повести Н.А. Бестужева «Трактирная лестница» (1826), организованной как рассказ в рассказе. Языческий принцип самоутверждения, которым в молодости руководствовался герой повести в своих взаимоотношениях с миром, привел к совершению греха, определившего все его будущее: потерю любимой женщины и сына, не простившего отцу своей исковерканной жизни. В противоположность герою Н.А. Бестужева, много лет проведенному в муках раскаяния о своем грехе, в повести А.А. Марлинского «Замок Эйзен» (1825) в центр событий поставлен человек, для которого не существует этической границы: в своих действиях он следует принципу полной вседозволенности. В то же время в рассказчике, судя по его оценкам, чувствуется личность истинно религиозного человека, в сознании которого граница между добром и злом не теряет своей четкости. Сочувствуя униженным героям, решившимся на убийство обидчика, он все-таки рассматривает их поступки с позиции высшего нравственного закона, не отменяемого ни при каких условиях. Таким образом, не высказанная прямо авторская оценка получает свое зримое воплощение благодаря повествовательной организации этого произведения. Проблема признания и добровольного подчинения нравственному закону, неразрывно связанному с представлением о воле Божией, ставится и в произведениях М.Н. Загоскина, вошедших в цикл «Вечер на Хопре» (1837) – здесь она нередко реализуется в сюжетных ситуациях встречи человека с представителями потустороннего мира, как это происходит в повестях «Нежданные гости» и «Ночной поезд». Идея реального существования в мире светлых и темных сил, находящихся в постоянной борьбе, полем которой является душа человека, получает большое распространение в русской литературе этого периода, занимая центральное место и во многих произведениях В.Ф. Одоевского. Особенно ярко это проявляется в повести «Орлахская крестьянка» (1838), где использован тот же сюжетный ход, который позже применен в «Саламандре»: когда-то совершенный грех через много лет дает о себе знать различными явлениями физического порядка. В обеих повестях художественный конфликт имеет сложную структуру, что находит свое непосредственное выражение в их повествовательной организации. В основном событийном поле, содержащем историю из далекого прошлого, облеченную в форму легенды, силы добра и зла оказываются четко обозначенными – в полном соответствии с нравственными ориентирами самого рассказчика; однако в повествовательном обрамлении возникает образ слушателей – современных образованных людей, скептически воспринимающих «фантастическое» происшествие и не способных понять истинный смысл легенды. Так возникает второй уровень конфликта, в

котором на разных этических полюсах оказываются рассказчик и его аудитория. Насколько полно рассказчики в той и другой повести Одоевского воплощают в себе авторское начало, становится понятно при обращении к мыслям самого писателя, высказанным в его публицистических работах. Размышляя об особенностях человеческой души, он приходит к выводу, что ей свойственно «нечто такое», что является для нее «естественным камертоном» и что Одоевский условно называет «нравственным инстинктом». По мысли писателя, до времен Христа этот инстинкт был совершенно забыт, и «его появление современно земному странствованию Спасителя». Только в христианской любви видит он для человечества путь к спасению, постоянно возвращаясь к одной и той же мысли: причиной гибели многих древних цивилизаций стало забвение высших духовных потребностей, погружение в телесные наслаждения. Эта идея, облеченная в образную форму, становится семантическим центром большинства произведений Одоевского, где проблемы добра и зла, нравственного закона и греха выходят на первый план. Образ современника, сознательно стремящегося забыть о границе между добром и злом, ярко воплощается в рассказе *В.Ф. Одоевского «Живой мертвец»* (1844). Его заглавие точно отражает то состояние, в котором пребывает главный герой: процесс постепенного омертвения его души, продолжавшийся в течение жизни, приходит к своему логическому финалу – он уже перешел ту черту, за которой еще было для него возможно нравственное воскресение. В прозе *А.С. Пушкина* человеком, полностью отвергнувшим этические принципы, является один из центральных персонажей *«Капитанской дочки»* Алексей Иванович Швабрин, этическая позиция которого напрямую связана с его атеистическими взглядами и материалистической аксиологией. В художественном мире произведения Швабрин — единственный персонаж, в полной мере исповедующий принципы своеволия, и именно поэтому он является носителем абсолютного зла. Образом Швабрина Пушкин декларирует чрезвычайно важную мысль: ни «хорошее» происхождение, ни образованность, ни развитый интеллект не могут сами по себе предотвратить морального падения человека, если он отвергает Бога (= высший нравственный закон), отказывается от совести как стержневого качества личности и в конечном итоге ставит себя «по ту сторону добра и зла».

Глава 3. Проблема идеала в русской литературе первой трети XIX в.

§ 1. *Идея христианской любви в структуре художественного конфликта.*

В сознании человечества на протяжении его длительной истории много раз менялись представления об идеальной человеческой личности, образ которой формировался в прямом соответствии с основополагающими установками той или иной религиозной системы. В христианской картине мира высшим идеалом, то есть непреходящим и вечным образцом совершенства, стал Спаситель мира, провозглашением Нового Завета ознаменовавший начало новой эры, перевернувший представление об истине, оставив людям заповеди любви, милосердия и сострадания. Его явление в мир дало возможность каждому человеку обрести главный – духовный – смысл земной жизни, заключающийся в «домостроительстве» собственной души с целью ее *обожения*, то есть приближения к идеалу, которым для православного человека всегда остается Иисус Христос. В русской литературе первой трети XIX века, испытавшей на себе значительное влияние просветительской антропологии, проблема идеала является одной из центральных и связана с художественным воплощением христианских аксиологических установок. Так, в повести В.К. Кюхельбекера «Адо» (1824) главным стержнем художественного конфликта является идея христианской любви – осуществляемая ее исповедниками в реальной жизни, она приводит к искреннему обращению убежденных язычников, познавших истину во Христе. Образ человека, заключающего в своей душе христианский идеал, появляется и в повести О.М. Сомова «Юродивый» (1827), сюжетная организация которой имеет в своей основе ситуацию *прозрения*. Юродивый, появившийся на короткое время в жизни главного героя, заставил его задуматься о ее смысле, об истинных и ложных ценностях, о мире *дольнем* и мире *горнем*. Отношение юродивого к людям, детски чистое и совершенно бескорыстное, напоминает о той истинной любви, гимн которой был сложен первым богословом Церкви апостолом Павлом (1 Кор. 13). Идея христианской любви становится одной из центральных и в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина (1830), хотя здесь она нередко воплощается как бы противоположным, «отрицательным» образом. Сквозной и центральной для всего цикла является тема *вражды*, непонимания и человеческой разобщенности, которая в каждой из повестей имеет свое воплощение, реализуясь через мотивы обиды, мести и своеволия, причем основой конфликта является противоположность ценностных парадигм горнего и дольнего миров, сопоставленных как на повествовательном, так и на сюжетном уровне.

§ 2. «Люди прежнего века» как воплощение нравственного эталона.

В романе А.А. Погорельского «Монастырка» (1833) в основу разделения всех действующих лиц на две противоположные группы положен этический принцип. Автор постоянно подчеркивает, что главным оружием простодушных героев в их борьбе с противниками становится упование на Божий Промысел, а крест и молитва укрепляют их в самых трудных испытаниях. Одержанная ими победа оказывается вполне закономерной, поскольку в схватке с безнравственностью и злом эти герои действовали сообща, объединившись *всем миром*, без всяких социальных и иных различий. Именно это дает все основания причислять всех персонажей этой группы к «людям прежнего века», действующим в соответствии с патриархальными, семейными установками и исповедующими *любовь* как главный принцип своей жизни. Главное, что отличает «старинных людей» в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1836), — глубоко укорененная нравственная основа, характеризующая традиционное, народное, «простое» сознание, свойственное не только дворянским семьям Гриневых и Мироновых, но и их ближайшему окружению, прежде всего слуге Савельичу. Мировосприятие и образ жизни этих героев определяются ясными и незамутненными христианскими установками, их интеллектуальная неразвитость и некоторая психологическая «элементарность» внутреннего мира является своеобразным следствием того детского начала, которое составляет в них ядро личности. А «простота» их напоминает о той самой *истине*, которой обладают дети и о которой сказано в Евангелии, что Бог «утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам» (Мф. 11:25).

§ 3. Положительный герой: аксиологические координаты личности.

Проблема положительного героя является одной из самых сложных в литературном сознании рассматриваемого периода. Поскольку в искусстве классицизма внимание уделялось не частному, единичному, случайному, а общему, типическому, то характер героя не имел индивидуальных черт, выступая как обобщение целого типа людей. Важнейшей задачей автора было воспитание настоящего гражданина своей страны — этой установке должен был в полной мере соответствовать и характер положительного героя. В последующую эпоху на смену персонажу с совершенно не выраженной индивидуальностью приходит исключительная личность, герой, который противопоставляется ординарному человеку, принадлежащему безликой и косной толпе. Однако в образе такой выдающейся личности, стремящейся к безграничной свободе и наделенной беспредельным эгоцентризмом, чаще всего проявлялось раннее пресыщение жизнью, утрата связи с окружающим миром, страшное чувство одиночества. Между тем в русском общественном сознании и в

эту эпоху не ослабевала потребность в выдвижении на первый план цельного, нравственно чистого и благородного героя – поиск такого персонажа, обладающего в то же время яркой индивидуальностью, продолжался в произведениях самых разных писателей этого времени. Один из них представлен в поэме *Ф.Н. Глинки «Дева карельских лесов»* (1828), в которой воспроизводится очень распространенный к этому времени сюжет встречи «цивилизованного» героя и воспитанной в природных условиях девы. Однако в поэме Глинки этот сюжет кардинально видоизменяется и переосмысливается: его герой не только способен оценить по достоинству прекрасную душу «девы карельских лесов», но и сам не утратил способности горячо и верно любить. В эпилоге, рисуемом в идиллических тонах счастливую жизнь бывших отшельников, помилованных государем, особенно отчетливо звучит мысль, которая определяла весь творческий путь Глинки: главной ценностью в мире является любовь, проявляющая себя прежде всего в доброте и милосердии. Образ благородного и возвышенного героя является центральным и в повести *Н.А. Бестужева «Русский в Париже 1814 года»* (1840), в заглавии которой выносятся на первый план идея обобщения, подчеркивается указание на тип, воплощающий в себе характерные национальные черты. Показывая своего героя в самых различных ситуациях, автор постоянно акцентирует внимание на его внутреннем благородстве, основанном на истинно христианском отношении к людям: к поверженному врагу поручик не только не испытывает никакой неприязни, но проявляет доброту и сердечность, используя любую возможность для оказания помощи всем, без различия чинов и званий. Другой вариант положительного героя дан в повести *М.С. Жуковой «Барон Рейхман»* (1837), событийным ядром которой является традиционный любовный треугольник, а основой художественного конфликта противопоставление истинных и ложных ценностей. Разрабатывая в своей незатейливой повести сюжетную ситуацию будущего романа Л.Н. Толстого «*Анна Каренина*», М.С. Жукова задолго до великого писателя ставит сложнейшие нравственные вопросы, показывая в своем герое настоящую высоту души и глубокое благородство. Обращаясь к творчеству *А.С. Пушкина*, невозможно не заметить, что в своих многолетних поисках писатель отходит от мятежных и бунтующих персонажей, с их предельно сложным внутренним миром, и в последнем завершенном произведении («*Капитанская дочка*») ставит в центр повествования совершенно другую личность. В образе Петра Гринёва перед читателем предстает очень редкое в русской литературе явление: герой, которому совершенно не свойственны сомнения, душевные терзания, поиски смысла жизни, внутренний мир которого в

основе своей гармоничен и характеризуется поистине удивительным душевным покоем. Являясь молодым представителем «старинной традиции», Петр Гринев соединяет в себе черты пушкинских «людей старого века», с их представлениями о неизбежности нравственного закона, и богатый личностный потенциал человека Нового времени. Удивительная цельность его натуры определяется тем, что доминантным в ней является детское начало, которое остается неизменным, несмотря на любые испытания. Жизненная позиция Петра Гринева, все его поступки постоянно соотносятся с высшими этическими принципами — именно этим объясняется тот парадокс, что даже «неправильное» с точки зрения прямолинейно и узко понятой законности поведение пушкинского героя вознаграждается: ему даруется помощь свыше.

§ 4. Женский идеал: вечные ценности в изменяющемся мире.

Важнейшие и определяющие черты национального женского характера русская литература обозначенного периода соотносила с традиционным идеалом, сложившимся еще в эпоху Древней Руси. Религиозное служение, а в некоторых случаях и мирская жизнь в семье, отличающаяся особым благочестием, в русском общественном сознании были неотрывно связаны с представлением о гражданском подвиге. Наряду с романтическим образом возвышенной женщины в России, прошедшей через петровские реформы и европейские соблазны разного рода, все же сохранялся идеал, обладающий общенародными чертами: устойчивый образ женщины – мудрой хранительницы семейного очага, помощницы мужа, воспитательницы своих детей. Образ такой героини, проявившей стойкость в минуту испытаний и жертвенно разделившей судьбу своего изгнанника-мужа, был впечатляюще ярко воплощен в поэзии *К.Ф. Рылеева* (дума «*Наталья Долгорукова*»), а также *И.И. Козлова* (поэма «*Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая*»). Личность княгини не случайно стала объектом внимания нескольких литераторов: ее жизнь, полная страданий, являла собой образец высокой жертвенности и настоящей христианской любви. В отличие от Рылеева, для которого главной является верность Долгоруковой мужу в трагических испытаниях, Козлов сосредоточивает внимание на духовном подвиге своей героини, которой в результате тяжелейших страданий открывается высочайшая истина. Другой вариант женского образа, доминантой которого также является смирение, можно увидеть в поэме *Г. Розена* «*Дева семи ангелов*». В ее сюжетной и идейной организации важнейшее место отводится молитве, которую умирающая мать оставляет своей маленькой дочери как единственное наследство. В событиях поэмы находит свое подтверждение главная мысль, постоянно внушаемая автором читателю: спасение в любых обстоятельствах может принести человеку только истинное

смирение, проявляющееся в предании себя и своей судьбы высшей воле. Проявление такого смирения в форме жертвенного служения ближнему показано и в повести *Н.А. Полевого «Эмма»* (1834), главная героиня которой всегда связывала в мечтах свое будущее с религиозным служением. После принятия православия она уходит из жизни с сознанием исполненного долга, с прощением в душе, думая о предстоящей ей встрече в Вечности. Различные варианты идеального женского характера можно увидеть в творчестве *А.С. Пушкина*. Прежде всего, безусловным воплощением идеала является одна из главных героинь поэмы *«Бахчисарайский фонтан»* (1823) – Мария, польская княжна, попавшая в татарский плен и оказавшаяся в гареме хана Гирея. В описании героини акцентируется неземное начало, а доминантой психологической характеристики является уникальное качество ее внутреннего мира — «тишина души», абсолютно противоположная всему окружающему ее, подчиненному бурным страстям миру, как духовное — телесному, небесное — земному, христианское — языческому. Безусловно, идеальное начало, хотя и по-иному представленное, воплощено и в главной героине пушкинского романа в стихах, какой она предстает в финале. В Татьяне Лариной Пушкин показывает преодоление страсти во имя утверждения истинного чувства – это любовь, которая, в противоположность онегинской, «не ищет своего» (1 Кор. 13: 5). Именно поэтому так «покойна и вольна» в финале Татьяна – она достигла той независимости и настоящей внутренней свободы, которых Онегин так и не смог обрести. Образ Маши Мироновой, главной героини *«Капитанской дочки»*, строится по-иному: идеальное начало здесь скрывается под простеньким обликом бедной и незнатной дворяночки, невесты-бесприданницы, не получившей должного образования и «приличного» воспитания. Удивительная душевная ясность и цельность характера героини прячется за кажущейся недалекостью и примитивностью, а впечатление отсутствия внутренней глубины возникает потому, что ее душа остается незамутненной бурными порывами и мощными сокрушительными страстями. Маша Миронова мудра не благодаря развитому интеллекту, а по свойствам натуры, ее «ум» – в полном соответствии с христианскими антропологическими установками – основан на интуиции и высочайшем нравственном благородстве.

В образах героев, соотнесенных с христианским идеалом, наблюдается общая идея, утверждаемая авторами: сохранение нравственных императивов и неуклонное следование им в катастрофическом, постоянно изменяющемся и ненадежном мире оказывается единственной возможностью восстановить утраченную человеком Нового времени гармонию, недостижимую при всех иных условиях.

Заключение. Проведенный анализ позволяет говорить об общей основе мировосприятия, которое проявляется в произведениях русских писателей первой трети XIX века: в нем достаточно четко проступают контуры единой аксиологической системы, в основе которой лежит представление о *высшем нравственном законе* и неразрывно с ним связанное понятие *греха*. Аксиологический ракурс исследования дает возможность увидеть, что вне зависимости от событийной основы, метода и жанра, в центре внимания каждого автора оказываются прежде всего те системы ценностей, в соответствии с которыми его герои строят свое поведение и делают свой жизненный выбор. Развитие психологического анализа в русской литературе этой эпохи способствует глубокому проникновению во внутренний мир героев, в изображении которого явственно прослеживаются принципы христианской антропологии: именно как следствие поврежденности человеческой природы показывается писателями совмещение темных и светлых сторон в человеческой душе, борьба в ней доброго и злого начал. В характерах многих персонажей обнаруживаются как низкие, так и благородные черты, но главным критерием для автора всегда является наличие в душе героя достаточно четкой этической границы. И только те действующие лица получают однозначно негативную авторскую оценку, которые в полной мере исповедуют принципы своеволия и вседозволенности и, в конечном итоге, ставят себя «по ту сторону добра и зла». Важное место в произведениях писателей этой эпохи занимает образ идеальной личности, в чертах которой ясно видна соотнесенность с христианским идеалом. Таким образом, в русской литературе первой трети XIX века личность всегда находится в системе незыблемых нравственных ценностей, которые являются для автора неизменным и точным эталоном и имеют в своей корневой основе христианскую аксиологию.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

І. Монографии

1. Концепция личности в русской литературе первой трети XIX века в свете христианской аксиологии / Н.П. Жилина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 240 с. – 15,0 п. л.
2. Творчество А.С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты / Н.П. Жилина. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – 311 с. – 19,4 п. л.
3. Творчество А.С. Пушкина: христианский аспект прочтения / Л.Г. Дорофеева, Н.П. Жилина, О.Н. Павляк. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – 143 с. – 8,9 п. л. / 3,0 п. л.

II. Статьи, опубликованные в журналах, рецензируемых ВАК

4. Идеи́ная структура поэмы А.С. Пушкина «Братья разбойники» / Н.П. Жилина // Вестник РГУ им. И. Канта. – 2007. – Вып. 6. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 74–80. – 0,5 п.л.
5. «Гордый человек» в поэме А.С. Пушкина «Цыганы» / Н.П. Жилина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина: науч. журнал. – № 2 (12). – Сер. Филология. – СПб., 2008. – С. 5–11. – 0,5 п.л.
6. Главные героини как воплощение национального характера в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Русская словесность. – 2008. – № 5. – М., 2008. – С. 7–9. – 0,4 п.л.
7. «Идиллический» мир в поэме А.С. Пушкина «Цыганы» / Н.П. Жилина // Вестник МГОУ. – Сер. Русская филология. – 2008. – № 2. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 93–99. – 0,5 п.л.
8. Сюжет прозрения в романе Пушкина «Евгений Онегин» / Н.П. Жилина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина: науч. журнал. – Сер. Филология. – № 2 (26). – СПб., 2009. – С. 24–30. – 0,5 п.л.
9. *Чувства и страсти* в «южных поэмах» А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Русская речь. – 2009. – № 3. – М., 2009. – С. 14–21. – 0,75 п.л.
10. *Свобода* как аксиологическая категория в поэме А.С. Пушкина «Кавказский пленник» / Н.П. Жилина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина: науч. журнал. – № 2 (26). – Сер. Филология. – СПб., 2009. – С. 31–38. – 0,5 п.л.
11. *Идея Дома* в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н.П. Жилина // Вестник РГУ им. И. Канта. – Вып. 8: Сер. Филологические науки. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 65–68. – 0,4 п.л.
12. Образ Натальи Долгоруковой как воплощение женского идеала в поэмах К.Ф. Рылеева и И.И. Козлова / Н.П. Жилина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина: науч. журнал. – Т. 1. – Сер. Филология. – СПб., 2009. – № 5. – С. 7–11. – 0,4 п.л.

III. Работы, опубликованные в других изданиях

13. О формах диалогизма в творчестве А.С. Пушкина / N. Zhilina // Acta Polono-Ruthenica Aleksander Puszkina a Slowianszczyzna W 160 rocznice poety (10 II 1837 – 10 II 1997): materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej Olsztyn, 10-11 II 1997. Wydawnictwo WSP. Olsztyn, 1998. – S. 137–149. – 1,0 п.л.
14. Роман А.С. Пушкина «Дубровский»: этическая основа конфликта / Н.П. Жилина // Балтийский филологический курьер: науч. журнал. – Калининград: Янтарный сказ, 2000. – № 1. – С. 13–24. – 0,75 п.л.

15. Четыре имени собственных в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» / Н.П. Жилина // Язык, слово, действительность: мат-лы II Междунар. науч. конф. – Минск: БГПУ им. М. Таппа, 2000. – Ч. I. – С. 112–115. – 0,25 п.л.
16. Имена героев в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: структура и функции / Н.П. Жилина // Studia wschodnioslowianskie. – Т. 1. – Bialystok, 2001. – S. 129–138. – 0,75 п.л.
17. Структура конфликта в поэме А.С. Пушкина «Полтава» / Н.П. Жилина // Кирилл и Мефодий: духовное наследие: мат-лы Междунар. науч. конф. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – С. 75–93. – 0,75 п.л.
18. Семантика имен собственных в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Вестник Калинингр. гос. ун-та. – Сер. Языки, литература и культура стран Балтийского моря. – Вып. 1. – Калининград: Изд-во КГУ, 2004. – С. 48–55. – 0,5 п.л.
19. Христианский контекст в романе А.С. Пушкина «Дубровский» / Н.П. Жилина // Кирилл и Мефодий: духовное наследие: мат-лы Междунар. науч. конф. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. – С. 104–122. – 0,75 п.л.
20. Аксиологические координаты романтической личности в поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» / Н.П. Жилина // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре: мат-лы Междунар. науч. конф. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 56–64. – 0,5 п.л.
21. Четыре Марии в творчестве А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Балтийский филологический курьер: науч. журнал. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – № 6. – С. 142–150. – 0,9 п.л.
22. Аксиологическая система в повести А.С. Пушкина «Метель» / Н.П. Жилина // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2007. – № 1. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2007. – С. 65–69. – 0,5 п.л.
23. Характер конфликта в поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан»: аксиологический аспект / Н.П. Жилина // Феномен русской духовности: словесность, история, культура: мат-лы Междунар. науч. конф. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 29–41. – 1,0 п.л.
24. Романтическое мировосприятие героев и христианская традиция в повести А.С. Пушкина «Метель» / Н.П. Жилина // Эпоха. Текст. Контекст: сб. статей. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. 43–51. – 0,5 п.л.

25. Образы рая в поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» / Н.П. Жилина // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. докл. – Вып. 6. – М.: МГПИ, 2007. – Т. 1. – С. 64–67. – 0,3 п.л.
26. «Мария» в аксиологическом контексте произведений А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Духовный потенциал русской классической литературы: сб. науч. тр. – М.: Русский мир, 2007. – С. 321–335. – 1,25 п.л.
27. Христианские мотивы в поэме А.С. Пушкина «Братья разбойники» / Н.П. Жилина // Духовные начала русского искусства и образования: мат-лы VII Междунар. науч. конф. – В. Новгород, 2007. – С. 136–141. – 0,5 п.л.
28. Тема духовного плена в поэме А.С. Пушкина «Кавказский пленник» / Н.П. Жилина // Национальная духовная традиция в русской литературной классике XIX–XX вв.: сб. науч. тр. – Калининград: Б.и., 2008. – С. 72–79. – 0,4 п.л.
29. Проблема идеала в поэме А.С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» / Н.П. Жилина // Проблемы истории литературы: сб. статей. – Вып. 20. – М.; Новополюцк: Б.и., 2008. – С. 392–395. – 0,5 п.л.
30. Романы в сознании и в жизни Татьяны Лариной («Евгений Онегин» А.С. Пушкина) / Н.П. Жилина // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. докл. – Вып. 7. – М.: МГПИ, 2008. – Т. 1. – С. 21–25. – 0,3 п.л.
31. Смерть старого Дубровского: содержательный статус фрагмента в нарративной структуре пушкинского романа / Н.П. Жилина // Пушкинские чтения – 2008: Малая проза: жанры, авторы, стили: мат-лы XIII Междунар. науч. конф. – СПб., 2008. – С. 84–90. – 0,4 п.л.
32. «Народная» песня в поэме А.С. Пушкина «Цыганы» / Н.П. Жилина // Национальная духовная традиция в русской литературной классике XIX–XX вв.: сб. науч. тр. – Калининград: Б.и., 2008. – С. 80–84. – 0,4 п.л.
33. Мифопоэтические образы в поэме А.С. Пушкина «Братья разбойники» / Н.П. Жилина // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании: сб. науч. докл. – Вып. 7. – М.: МГПИ, 2008. – Т. 1. – С. 111–113. – 0,3 п.л.
34. «Жених-разбойник» в пушкинских сюжетах (роман «Евгений Онегин» и сказка «Жених») / Н.П. Жилина // Национальная духовная традиция в русской литературной классике XIX–XX вв.: сб. науч. тр. – Калининград: Б.и., 2008. – С. 100–108. – 0,5 п.л.

35. *Оппозиция жизнь – смерть* в поэме А.С. Пушкина «Кавказский пленник» / Н.П. Жилина // Духовные начала русского искусства и просвещения: мат-лы VIII Междунар. науч. конф. – Великий Новгород, 2008. – С. 152–155. – 0,3 п.л.
36. Христианские ценности в «Повестях Белкина» А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Аксиологические категории национальной культурной традиции в русской словесности: мат-лы Междунар. науч. семинара. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 62–70. – 0,4 п.л.
37. «Старинные люди» в художественном мире «Капитанской дочки» А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Национальная духовная традиция в русской литературной классике XIX–XX вв.: сб. науч. тр. – Калининград: Б.и., 2008. – С. 125–129. – 0,4 п.л.
38. *Свобода и страсти* в южных поэмах А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2008. – № 1. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2008. – С. 66–74. – 0,5 п.л.
39. «Исключительная личность» в аксиологических системах Байрона и Пушкина («Паломничество Чайльд-Гарольда» и «Кавказский пленник») / Н.П. Жилина // Балтийский регион: лики русского мира: сб. науч. тр. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 197–205. – 0,5 п.л.
40. Характер конфликта в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина: аксиологический аспект / Н.П. Жилина // Аксиологические категории национальной культурной традиции в русской словесности: мат-лы Междунар. науч. семинара. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. – С. 70–78. – 0,5 п.л.
41. Система ценностей героя и авторская позиция в поэме А.С. Пушкина «Цыганы» / Н.П. Жилина // Оценки и ценности в современном научном познании: сб. науч. тр. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – Ч. 1. – С. 73–78. – 0,5 п.л.
42. Кочубей и Мазепа: столкновение двух аксиологических систем в поэме А.С. Пушкина «Полтава» / Н.П. Жилина // Ученые записки МГПУ. – Филология: сб. науч. статей. – Мурманск: МГПУ, 2009. – Вып. 1. – С. 92–96. – 0,4 п.л.
43. Оппозиция «Восток – Запад» в поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» / Н.П. Жилина // Восток – Запад в пространстве русской литературы и фольклора: мат-лы Третьей Междунар. науч. конф. (заоч.). – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – С. 281–286. – 0,4 п.л.
44. Своеобразие авторской позиции в «разбойнических» сюжетах О.М. Сомова / Н.П. Жилина // Аксиоанализ как метод исследования

- художественного произведения: мат-лы Междунар. науч. конф. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 26–31. – 0,5 п.л.
45. «Сон Татьяны» как семантический центр в романе А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Н.П. Жилина // VII Масловские чтения: сб. науч. статей: в 2 ч. – Мурманск: МГПУ, 2009. – Ч. 1. – С. 56–60. – 0,4 п.л.
46. Психология любви в поэме Е.А. Баратынского «Цыганка» / Н.П. Жилина // Аксиоанализ как метод исследования художественного произведения: мат-лы Междунар. науч. конф. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. – С. 32–37. – 0,5 п.л.
47. В поисках свободы: Пугачев в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина / Н.П. Жилина // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2009. – № 1. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2009. – С. 19–24. – 0,5 п.л.
48. Сюжет прозрения в повести О.М. Сомова «Юродивый» / Н.П. Жилина // Духовные начала русского искусства и просвещения: мат-лы IX Междунар. науч. конф. – Великий Новгород, 2009. – С. 153–156. – 0,3 п.л.
49. Проблема греха и нравственного закона в фантастических повестях В.Ф. Одоевского / Н.П. Жилина // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2009. – № 2. – М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2009. – С. 21–29. – 0,75 п.л.
50. Судьба литературного героя Ф. Глинки / Н.П. Жилина // Слово. Ру: балтийский акцент: науч. журнал. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – № 1. – С. 145–149. – 0,4 п.л.
51. Сказочная модель в повести А.А. Погорельского «Лафертовская маковница» / Н.П. Жилина // Модели современной науки: единство и многообразие: сб. науч. тр. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. – С. 71–79. – 0,5 п.л.

Наталья Павловна Жилина

**КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
В СВЕТЕ ХРИСТИАНСКОЙ АКСИОЛОГИИ**

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Подписано в печать 17.03.2010 г.

Бумага для множительных аппаратов. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура «Таймс». Ризограф. Усл. печ. л. 2,3. Уч.-изд. л. 2,1.

Тираж 150 экз. Заказ 59

Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14